

Его тяжёлая болезнь, вероятно, была схожа с его собственной — слабость организма, вторжение внешних патогенов, что привело к заболеванию сердца.

Однако сам он ещё мог справляться, а вот Чжу Лию...

— Нет, просто нужно купить лекарств. — Когда Ли Чжуннань закончил размышлять о прошлом, он обратился к растерянному слуге.

Увидев, что клиент действительно настроен на покупку, слуга сразу же заулыбался, стараясь угодить:

— Конечно, конечно, господин. Какие лекарства вам нужны? Или, может, у вас есть рецепт от какого-либо врача?

Ли Чжуннань прищурился:

— Есть ли у вас жареная солодка?

— Конечно, конечно. Осенью легко возникает сухость легких, жареная солодка, заваренная в воде, укрепляет селезёнку, восполняет ци и гармонизирует организм. Сколько вам нужно?

— Не много, есть ли у вас тридцать пять цзиней?

Слуга замер, его спина вдруг выпрямилась, и он тут же сменил почтительный тон на резкий:

— Что за странности у вас, люди? Зачем приходить в нашу маленькую лавку и устраивать беспорядок?

С этими словами он махнул рукой, смахнув с прилавка ступку и пестик, которые с грохотом упали на пол.

Ступка покатила к ногам Сяо Чжоухэна, испугав его. Он не понимал, почему Ли Чжуннань сказал такую явную ложь, что вызвало гнев слуги.

Из-за двери за прилавком раздался скрип, и вышел мужчина средних лет, судя по одежде — владелец лавки. Увидев неловкую ситуацию, он поспешил извиниться:

— Прошу прощения, прошу прощения. Мы не отказываем вам, просто недавно у нас закончился один из ингредиентов, и мы не успели его пополнить. Убытки были значительными, поэтому мы больше не занимаемся этим.

Ли Чжуннань поднял бровь:

— Какой это был ингредиент?

Прежде чем владелец успел ответить, слуга выпалил:

— Что ещё? Это ветвь коричника, которую я целый день разделял!

Ли Чжуннань нахмурился, игнорируя грубость слуги:

— Сколько вы отправили? И куда?

Слуга быстро ответил:

— Кто знает, какой негодяй это был — то просит, то отказывается.

Владелец снова не успел вставить слово и только в конце жалоб слуги смущённо добавил:

— Вот такая ситуация. Мы маленькая лавка, не можем себе позволить такие потери. Господа...

Ли Чжуннань кивнул, сказав, что понимает, и вышел из аптеки, взяв с собой Сяо Чжоухэна.

После выхода Ли Чжуннань ничего не сказал, только повёл Сяо Чжоухэна в другие аптеки в городе, задавая вопросы, которые мало чем отличались от предыдущих, только названия лекарств менялись — опиопогон, семена конопли и так далее.

Когда они вышли из последней аптеки, Сяо Чжоухэн начал понимать. Хотя он ничего не знал о лекарствах, те, что Ли Чжуннань называл, явно составляли рецепт. В его мыслях промелькнуло лицо второго хозяина Чжу, и он невольно вздохнул:

— Этот Чжу Лию... действительно скрытный.

— Верно. — Ли Чжуннань вздохнул. — Чжу Лию понимает принципы «инь внутри охраняет ян, ян снаружи служит инь» лучше, чем мы.

Жареная солодка, ветвь коричника, опиопогон, семена конопли, китайский финик — всё это, как и предполагал Ли Чжуннань, были лекарства для лечения сердечных заболеваний. Хотя у людей разная конституция, основные рецепты в целом схожи.

— Он покупал лекарства в разных аптеках, чтобы никто не узнал о его тяжёлой, неизлечимой болезни.

Солнечный свет падал на слегка ноющие плечи Сяо Чжоухэна. Он видел, как мужчины и женщины, радостные и счастливые, несли вино и пирожные, любовались хризантемами и поднимались в горы, шаг за шагом приближаясь к облакам, символизирующим праздник Чуньян. Среди осенних звуков и теней это действительно была прекрасная праздничная картина.

— И это... неизлечимая болезнь. — Ли Чжуннань подошёл ближе к Сяо Чжоухэну, снял с его волос лист клена и, отпустив его, наблюдал, как тот уносится ветром.

Лунный свет окутал столицу, звёзды начали сходиться, и в резиденции Гу слуга Гу Шуси услышал четвёртый удар колокола. Он зевнул дважды, и его веки начали смыкаться. В момент, когда он уже почти заснул, он почувствовал боль в животе, и, очнувшись, понял, что уже лежит на полу, далеко от своего места.

Этот пинок окончательно разбудил Гу Шуси, и он, быстро придя в себя, поднялся и подбежал к Гу Циньхуану:

— Господин Гу, простите, простите.

Гу Циньхуан не обратил на него внимания, только слегка приподнял веки:

— Пошли.

— Хорошо. — Гу Шуси тут же отряхнул пыль с одежды, не обращая внимания на боль, и поспешил позвать слуг, чтобы те приготовили паланкин.

Носильщики были опытными, и паланкин двигался быстро и плавно, выезжая из резиденции Гу в темноте.

Через некоторое время паланкин остановился, и прежде чем Гу Шуси успел открыть занавеску, Гу Циньхуан сам вышел. Гу Шуси заметил, что сегодня его хозяин был одет в пурпурный халат, и его взгляд случайно встретился с резкими чертами лица Гу Циньхуана. Сердце Гу Шуси забилося быстрее, и он поспешно опустил глаза.

Он видел, что глаза Гу Циньхуана были холодны, как вода, а губы плотно сжаты. Внутри он чувствовал, что любой, даже бог, посмотрев в глаза его хозяину, потерял бы рассудок.

— Возвращайся сам, не жди меня. — Гу Циньхуан тихо сказал, поправляя воротник. — Будь осторожен, чтобы никто не заметил.

Гу Шуси быстро согласился и увидел, как Гу Циньхуан развернулся и быстро направился к чёрной двери. Не дожидаясь, пока постучат, дверь приоткрылась, и он вошёл внутрь.

Гу Шуси услышал, как дверь захлопнулась, и только тогда выдохнул с облегчением, вытирая пот со лба. Он не мог понять, был ли это пот от жары или от холода. Внутри него оставалось только необъяснимое чувство страха — он не знал, чего боялся больше: двух иероглифов на табличке над дверью или своего хозяина, которого он всё меньше понимал.

Войдя внутрь, Гу Циньхуан увидел несколько увядших цветов во дворе, которые под лунным светом выглядели ещё более мрачно. Он молча последовал за проводником, прошёл мимо десятков окон и дверей и остановился у открытого кабинета.

— Я, будучи вашим коллегой много лет, не знал, что у вас есть привычка гулять ночью при свечах. — Раздался голос с нотками насмешки.

— Господин Чжун. — Гу Циньхуан поклонился. — Шэнь Цяньхэ уже нашёл Башню Аньхуа, я предполагаю, что он уже внутри. Раз он туда попал, вряд ли сможет выбраться.

— Я думал, что ваша вражда с Шэнь Цяньхэ — это всего лишь слухи, но вы действительно готовы его предать. — Чжун Бугуй сидел в кресле с узорами, постукивая пальцами по подлокотнику, задумчиво глядя на Гу Циньхуана.

Не получив ожидаемого ответа, Чжун Бугуй засмеялся, и в его глазах появился блеск:

— Я думал, что вы просто играли роль.

— Вы преувеличиваете, господин Чжун. — Лицо Гу Циньхуана оставалось спокойным, его поза по-прежнему была прямой. — На политической арене нет места дружбе.

— Хорошо, хорошо. Я не ошибся в вас, господин Гу. Не зря я подарил вам тот ценный подарок. — Чжун Бугуй хлопнул в ладоши и громко засмеялся. — Мудрый человек знает, когда уступить, и только герой умеет приспособливаться. Действительно, древние не обманывали.

Насмеявшись, Чжун Бугуй встал, заложил руки за спину и медленно подошёл:

— Господин Гу, сегодня я также представлю вам того, кого называют «Хуанфу, уничтожающий хаос».

Ночной ветер внезапно подул, слегка растрепав волосы на висках Гу Циньхуана. Он увидел

смеющиеся морщинки в уголках глаз Чжун Бугуя, которые символизировали его беспомощность перед приближающимся концом.

Из-за ширмы в комнате вышел человек.

...

В ту ночь, когда Цзун Юань согласился отвести их в Башню Аньхуа, Шэнь Цяньхэ получил ответное письмо от Гу Циньхуана.

Праздник Шайцю — другое название праздника Чунъян.

Сяо — xiè, остатки свечи или угасающий свет.

Люди, которые действуют поспешно и хаотично — это те, кто действует поспешно и хаотично.

Молонь цуйли — mó lóng cuì lì — упорно тренироваться, совершенствоваться. Означает усердное шлифование и закалку, в переносном смысле — упорную работу над собой.

Перечисленные лекарства — это лишь примеры, не стоит углубляться в их изучение.

Чжу Лию, возможно, страдает от какого-то сердечного заболевания.

<http://bllate.org/book/16134/1444702>